

Бант Владимир Ноевич

В.Б. - Я родился в Одессе в 1923 году.

Детство было светлым, несмотря на то, что всего не хватало - и еды и одежды, которая переходила «по наследству» от старшего брата к младшему.

Я был средним, поэтому донашивал вещи после старшего - Ионы, а на «третий срок» это уже были лохмотья, и младшему брату Рудольфу, хотя и с трудом, но шили новую одежду. И учебники служили нам по два-три срока.

Наша семья жила на главной одесской улице - Дерибасовская, дом №1.

Там случались интересные «моменты». Из нашей коммунальной квартиры, в которой жило шесть семей, из двух - чекисты «забрали» глав семейств, и моего отца тоже «взяли». Но это не в связи с «политикой», а как тогда говорили - «по золотухе». Для индустриализации и коллективизации страна очень нуждалась в золоте, и «качали» его при помощи «Торгсина», «Интуриста», и в индивидуальном порядке, по наводке «стукачей». Ну, кто еще кроме соседей, мог бы «стукнуть», что Банты золото замаскировали под чугунные утюги.

Ведь нагревали утюги в коммунальной кухне, на плите или на примусе.

Поэтому при обыске их тоже конфисковали. Отца выпустили через две недели, просто потому, что на распиле двух конфискованных утюгов - золота не оказалось. Невольно вспомнишь Шуру Балаганова и Паниковского из «Золотого тельца» и его знаменитое - «Пилите Шура, пилите».

Из тюрьмы отец вышел тяжело больным человеком.

В 1931 году я пошел в школу и окончил ее - в памятном 1941 году.

19-го июня сорок первого года в школе был выпускной вечер.

А 22/06/1941 в нашей школе №117 уже находился сборный пункт Сталинского райвоенкомата города Одессы.

Г.К. - Куда Вы собирались поступать после школы?

В.Б. - Я, как и очень многие из моего поколения, был воспитан в духе патриотизма, и призыв к молодежи - «Поступай в военное училище» - нашел отклик и в моем сердце. Кроме того, стать инженером ВМФ в Одессе считалось очень престижным, и не только из-за формы с кортиком.

И я, еще будучи в девятом классе, подал заявление в Ленинградское военно-морское инженерное училище имени Дзержинского.

Прошел медицинскую комиссию, (немного схитрил - выучил наизусть таблицу для проверки зрения, так как у меня была небольшая близорукость), послал табель с отметками и был зачислен кандидатом.

Была еще одна «подленькая мыслишка» - если экзамены завалю, то хоть Ленинград посмотрю за государственный счет.

Но началась война и о своем «кандидатстве» я и не вспоминал.

Вспомнил об этом наш сосед, который служил в военкомате.

Ведь это именно он сагитировал меня подать заявление в училище.

Встретив меня в коридоре, он спросил - «А ты чего здесь? Когда явка в училище?». - «15-го июля». - «А сегодня, какое число?». - «9-ое». - «Явишься завтра утром в военкомат. Я дам тебе литер и направление, и марш в Ленинград!». - «Юра, так ведь война, какая сейчас учеба?!».

И он «ответственно» мне говорит - «Мало ли чего! Война! Недели две, максимум месяц и войне конец, а командиры флоту всегда нужны!».

Десятого июля я получил в военкомате необходимые документы и в этот же день с трудом пробрался на вокзал через военную комендатуру.

Вокзал толпами осаждали люди желающие выехать из Одессы.

Я спросил железнодорожника - «Какой поезд идет на Ленинград?».

В ответ услышал - «Ты что, с луны свалился? Сначала попробуй забраться на любой. Главное, выбраться из этого ада!». Я пробился на товарную платформу эшелона, на котором вывозили больных детей из Одесского

костнотуберкулезного санатория. Эшелон пересек поперек всю Украину под непрерывными бомбежками. Сколько больных детей погибло - не сосчитать...

На каждой крупной станции ночные налеты, а дети в белье - отличная цель... Немецкие летчики стреляли по ним из пулеметов на бреющем полете...

Наконец, на станции Ясиноватая, я смог пересесть на поезд, идущий на Москву, куда приехал 23-го июля, в первую массивную бомбежку столицы нашей Родины. Ночевал в метро, потом по тоннелю, без особой надежды, добежал до вокзала. Поезд должен был уйти ночью, но не ушел.

Я вскочил в вагон, литер у меня никто не спрашивал, проводника не было.

Через несколько минут поезд отправился на Ленинград.

Г.К. - Что с Вами произошло в северной столице?

В.Б. - Рано утром я вышел из поезда на перрон вокзала в Ленинграде и бегом направился в училище. На городской транспорт я не рассчитывал, время еще терять! На бегу спрашивал редких прохожих - «Где набережная лейтенанта Шмидта?». Прибежал в училище - «Здравствуйте, я кандидат». - «Здравствуй, по какому вопросу?». - «Я приехал из Одессы, кандидат в училище». - «Когда ты должен был прибыть?». - «15-го». - «А сегодня уже двадцать шестое. Впрочем, это не имеет значения, училище еще тринадцатого июля выехало в Астрахань». - «Так мне в Астрахань ехать?». - «Такого указания нет. Голодный?». - «Да». - «Сойди вниз в столовую - накормят». Накормили, конечно, и флотским борщом, и макаронами по-флотски. На мой вопрос, что мне делать, ведь у меня в Ленинграде нет ни родных, ни знакомых, все в ответ только пожимали плечами.

Вышел и пошел, куда - не знаю, куда глаза глядят.

Вдруг увидел что-то знакомое - люди с вещмешками толпятся.

Подошел - оказывается, сборный пункт для призывников!

Встал в очередь к столу. «Документы!» - подал свои документы. «Что ты мне даешь? Повестку давай!». - «У меня нет повестки». - «Так чего мешаешь работать?». - «Дяденька, возьмите меня в армию. Я из Одессы приехал». - «Товарищ капитан, разберитесь с этим недоумком. Он из Одессы, видишь ли, приехал!». Рассказал я капитану об обстоятельствах своего приезда и добавил, что умею хорошо стрелять - «Ворошиловский стрелок».

Капитан сжалился и послал меня в санпропускник. Там меня помыли, постригли наголо. Выдали форму б/у, обмотки, старые ботинки.

Красноармейской книжки мне не дали.

А дальше раздалась команда - «По машинам!», и мы куда-то поехали.

Потом узнал, что нашу маршевую роту привезли под Кингисепп.

Нас разместили во второй линии обороны. Оружия у нас не было.

Мы имели только малые саперные лопатки, которыми мы не столько копали, сколько ковыряли землю. Стреляла немецкая артиллерия - недолеты, перелеты, но в нас не попадали, был просто - «беспокоящий огонь».

Приказали ждать, когда подвезут винтовки.

Но в этой части я провел всего четыре дня.

Г.К. - Что произошло?

В.Б. - К нам приехал какой-то командир - «представитель». Нас построили и приказали выйти из строя всех имеющих среднее образование.

Я вышел вместе с другими. И тут нас стали распределять по различным ленинградским военным училищам. Никто нашего желания не спрашивал.

Куда «начальник» запишет, туда и пойдешь.

Меня определил во 2-ое Ленинградское Краснознаменное артиллерийское училище, готовившее командиров для тяжелой корпусной артиллерии - ЛКАУ, и которое находилось на улице Воинова, в казармах бывшего Павловского училища. Училище было большим, четыре дивизиона, почти 1000 человек курсантов в нашем наборе. Нас готовили к войне на 152 -мм гаубицах.

Весь мой курсантский взвод состоял из «вчерашних» выпускников средних школ. До войны, учебная программа в ЛКАУ для подготовки командиров- артиллеристов был рассчитана на три года.

Г.К.- ЛКАУ оставалось в Ленинграде во время блокады?

В.Б. - Насколько я знаю, все военные училища Ленинграда были вывезены из города. И наше ЛКАУ было эвакуировано в тыл буквально за пару дней до наступления полной блокады. Нас вывозили фактически последними эшелонами, прошедшими на восток из Ленинграда. Привезли на Урал, в город Белорецк.

Разместили в помещениях бывшего техникума, причем - «очень удобно».

В перемещениях между казармой, учебным корпусом, артиллерийским парком и столовой, в течение суток мы преодолевали (преимущественно бегом) до 30 километров в день. Весь Белорецк на холмах, здесь были сплошные спуски и подъемы, и как нам казалось, подъемов было намного больше.

Г.К. - Насколько тяжелыми были условия учебы в училище?

Как Вы оцениваете боевую подготовку, полученную в ЛКАУ?

В.Б. - Приехали в Белорецк в начале осени, начались дожди.

Тонкая шинель промокала насквозь, а сапоги тонули в грязи.

Курсанты спали в спортзале техникума, было довольно холодно.

Кормили в училище неплохо, а на ужин давали хлеб и сладкий чай без ограничения пайки, пожалуйста - сколько съешь и выпьешь.

На столах свободно стояла горчица. «Наливались» этим чаем и хлебом с горчицей - по горло. Подъем в училище был в 5-00, отбой в 23-00, так что мы вкусили всю прелесть «ускоренного выпуска». Что не досыпали ночью - «добирали» на занятиях. Даже когда преподаватель командовал - «Товарищ курсант, встаньте!» - мы продолжали, пошатываясь, спать стоя.

Боевые стрельбы проводились у нас очень редко. К сожалению, это факт...

Я помню всего несколько полевых стрельб за пять месяцев учебы.

Училище было на мехтяге, орудия перевозили на тракторах «Комсомолец», так что нам еще повезло, что не дурили нам головы «кавалерийской наукой»

Командир училищной батареи, уже успевший повоевать и попавший в училище, как выздоравливающий после ранения, говорил нам - «Не очень напрягайтесь высокой наукой. Учитесь хорошо, без складок, портянки мотать.

А воевать будете в дивизионной или в противотанковой артиллерии, на прямой наводке. А там...Что видишь, туда и стреляешь».

А потом начались уральские морозы, доходившие до пятидесяти градусов...

Во время разборки и сборки затворов металл «прикипал» к рукам.

Я помню празднование 7-го ноября 1941 года.

Стоим на плацу по стойке «смирно» в тоненьких курсантских шинелях и в яловых сапогах, на головах «буденовки» ... А мороз в этот день был лютым.

«Замерз бы, если бы дрожать не умел». Рассказывали, что у трубачей в оркестре к мундштукам губы примерзали, они их с кровью отдирали.

В радостный день, когда объявили о разгроме немецких войск под Москвой, нам присвоили командирские звания. Я, как отличник, получил в петлицы по два «кубика» - лейтенант. Все выпускники сфотографировались на память.

А что касается, в какой артиллерии мы будем воевать, то наш училищный комбат оказался провидцем. Вскоре я стал командиром взвода управления - КВУ в дивизионной 76-мм батарее на конной тяге, которая снислась мне в страшных снах, (что я - городской мальчишка, мог понимать в лошадях).

Когда я, прибыв на передовую, подошел к лошади и путаясь в шпорах и шашке, пытался на нее взгромоздиться, то даже сразу не понял, что так рассмешило окружающих меня батарейцев.

Г.К. - Куда Вы попали служить после окончания 2-го ЛКАУ?

В.Б.- Успел на передовую как раз к окончанию зимних боев под Москвой.

Попал в 134-ую стрелковую дивизию, в 410-й артиллерийский полк, под Торопец.

Военные будни начались для меня с многокилометровых маршей по заснеженным полям Калининской области. А потом наступила весна сорок второго года.

Когда поэты с романтическими вздохами пишут - «Весна - утро года», то мне, вспоминается 1942 год и становится «почти смешно».

Знают ли эти поэты, что такое весенняя распутица, непроходимая для людей, коней и машин. Знают ли они - что такое весна на передовой...

Цинга, голодные отеки из-за недостатка белка в организме, тиф и дизентерия...

И голод... И вши, которые нас «живьем съедали»...

Я всегда поражался беспредельной выносливости наших солдат.

Вдобавок ко всему, солдаты, идя пешком по болотам и гатям, несли на себе по четыре снаряда для наших 76-мм пушек, за шестьдесят километров, от станции снабжения к передовой. На лежневых дорогах, проложенных на болотах, автомашины намертво застревали, или, иногда бывало - просто тонули в болоте. Когда потеплело, мы вылезли из своих нор. Землянок у нас не было.

Там вообще копать было невозможно, болото не замерзло.

На два штыка вглубь копнешь, вот тебе и река. Но к лету нам стало легче. Ближайшая к нам железнодорожная станция была уже в 25-ти километрах, и наше снабжение существенно улучшилось.

Нам даже установили повышенную норму хлеба, как компенсацию за прошлый голод, а офицерам как-то выдали доппаек.

Я постоянно находился на своем «законном месте», на ПНП - передовом наблюдательном пункте. Изредка открывали огонь по единичным целям.

Было такое впечатление, что и немцы тоже «отогревались».

Г.К. - Какой боевой эпизод из событий 1942 года Вам наиболее запомнился?

В. Б. - Однажды меня вызвал к себе командир нашей батареи 76-мм орудий Сергей Тимофеевич Грачев. Рядом с ним находился помощник начальника штаба дивизии по разведке, который мне сказал - «Пойдешь корректировщиком в тыл врага вместе с пешей разведкой. Завтра к вечеру явишься готовым в штаб дивизии.

И возьми с собой радиста». Когда мы с радистом прибыли в штаб дивизии, то нас присоединили к группе разведчиков, идущей в немецкий тыл.

Собрались, двинулись. Уже в полной темноте, совершенно незаметно, вброд перешли маленькую речушку. Вел группу лейтенант - разведчик.

А мое дело было маленькое - ждать, когда разведчики меня наведут на цель.

Мы долго ходили, ползали, сидели в болоте, но ничего толкового не нашли. Лейтенант крыл отборным матом свое начальство, я помалкивал.

Никаких «важных стратегических целей» мы не засекли и с рассветом решили возвращаться. Но нас уже ждала немецкая засада.

Именно на том месте, где мы проходили к ним в тыл. Наверное, мы все-таки где-то наследили... Лейтенант почуял засаду и это нас спасло.

Заметно посветлело, и ходить в тылу у немцев стало, более чем, опасно.

Решили до ночи спрятаться в болоте, и отошли вглубь немецкой обороны.

Залезли в болото по грудь. Скоро один из разведчиков доложил, что немцы сняли засаду, но при ярком солнечном свете идти было нельзя, и мы продолжали сидеть в болоте. Когда уже полностью рассвело, и можно было рассмотреть, где мы находимся, я ахнул. Перед нами была большая поляна, на краю которой находилось небольшое овальной формы озеро, за которым мне приходилось раньше часто наблюдать сидя на своем ПНП, расположенном на верхушке дерева. Озеро имело присвоенное нами имя «Огурец», так называли на войне тысячи озер. И это место было давно пристреляно нами и соседними батареями полка.

Правда, в ту минуту, я только отметил про себя, что эта местность мне знакома. Через какое-то время на поляну рядом с озером стали выезжать машины с немецкими солдатами. Они рассыпались по поляне, стали вырывать кусты, расчищать территорию. Потом привезли столбы и вкопали их в противоположные стороны поляны. Затем приехал оркестр, который начал играть марши и польки. Солдаты стали купаться в озере. Задымили полевые кухни, у немцев явно был какой-то праздник. Потом как озарило - сегодня 22-е июня и может немцы празднуют день начала «победоносной» войны.

А столбы с перекладинами на них - это футбольные ворота, ведь немецкий педантизм не позволит обозначить ворота камнями.

Они совершенно не боялись налета нашей авиации, да им особо и нечего было ее бояться, господство в воздухе летом сорок второго было за немцами.

Вообще тогда немцы плевать на нас хотели... Чуть вылезли из болота, и я нахально, открытым текстом передал по радиации командиру батареи - «Вижу цель!», и дал целеуказание. Комбат когда понял о чем идет речь, ответил, что свяжется с полком, такую цель надо накрыть не меньше чем целым дивизионом, мол, цель того стоит - «Следи за первым залпом и корректируй».

А тем временем у немцев начался футбольный матч.

Я с тревогой ждал первого залпа и молился - «Только бы не промазать, только не промазать!». Наконец услышал вой снарядов над головой.

Взрывы почти точно в центре поля. Передал - «Так держать! Огонь!».

Снаряды продолжали рваться, и я, зная, что с моего «родного» ПНП на дереве уже следят за разрывами, понял, что нам можно под шумок отсюда уйти.

Кричу разведчику - «Лейтенант, собирай своих, уходим, немцам сейчас не до нас!». Мы проскочили через лес, и по дороге, разведчики схватили двух, ошалевших немцев, которые спасались в лесу от нашего артналета.

Так что счет футбольного матча оказался в нашу пользу.

Г.К. - Как Вы были отмечены за участие в этой операции?

В.Б. - Вскоре я встретил лейтенанта-разведчика в штабе.

На груди у него был орден Красной Звезды. Спросил - «За какие подвиги?».

Он ответил - «За футбол». Выходит я только рядом стоял ?

Спросил у своего комбата. Грачев ответил, что поскольку я был прикомандирован к пехоте, то это они меня должны представлять к награде, так как орден я конечно заслужил. И когда позже комбат на эту тему спросил в штабе дивизии, мол что там и как, ему ответили, что «своих» они уже наградили, а на меня должен был заполнить наградной лист командир артополка или начальник артиллерии дивизии. Что ж - неувязки между родами войск и не такие бывали.

Я не особо переживал по этому поводу. У меня уже был знак «За отличную стрельбу», который тогда ценился не меньше ордена.

И пока они с этим «наградным» делом разбирались, пришел приказ о направлении меня на учебу в ВАККУКС - Высшие артиллерийские курсы усовершенствования командного состава.

Г.К. - Что это были за курсы?

В.Б. - Курсы располагались в городе Семенов Горьковской области.

Срок учебы на них был всего три месяца. Преподавали на курсах пожилые комбриги и комдивы, большинство - из бывших царских артиллерийских офицеров. Были даже бывшие генералы царской армии. Учеба на курсах была интересной и интенсивной. Все слушатели были с боевым опытом, мы уже кое-что понимали в артиллерийском деле и чувствовали себя людьми.

После курсов, по дороге из Семенова на фронт через Москву, (там мы были должны получить назначения по новым частям), я нашел своих родных.

Дело в том, что с момента моего отъезда из Одессы, связь с родными прервалась. Мои неоднократные запросы в бюро розысков в Бугуруслан были безрезультатны.

Хотя свою любимую девушку Анечку, мою одноклассницу, ставшую после войны моей женой, я нашел именно через Бугуруслан.

В управлении кадров артиллерии (спасибо бюрократам), назначения в части должны были дать только через несколько дней, а пока нам сказали - «Идите в комендатуру и там пусть решают ваши бытовые вопросы». В комендатуре бюрократов не было, только спросили - сколько дней я пробуду в Москве.

Я сказал - пять, и испугался, что так много запросил.

Но комендант дал мне талоны на питание и направление в общежитие комсостава на 10 дней, сказав при этом -«Отдохни немного, погуляй по Москве».

И я начал гулять. Проходя по какой-то улице, увидел табличку - «Наркомат Водного Транспорта». Спокойно зашел в здание, поднялся на этаж.

Кто меня вел - не знаю, (интуиция, наверное), но я вошел в какую-то приемную и заикаясь сказал женщине - секретарю - «Я сын Ноя Владимировича Банта, бывшего уполномоченного Наркомата Заготовок при Черноморском пароходстве. Может здесь кто-то знает, где он сейчас находится?»

У меня нет никакой информации, куда мои родители эвакуировались из Одессы».

То, что она ответила, вызвало у «боевого» лейтенанта - слезы на глазах -

« Почему «бывшего» уполномоченного? Он и сейчас занимает эту должность.

И паромство есть, и с Ной Владимировичем мы регулярно говорим по телефону. Вы Владимир ? Мне ваш отец говорил, что у него сын на фронте.

А ваши родители сейчас в Батуми. Я дам их адрес...

А если можете подождать, то я попытаюсь связать вас по телефону».

Я только кивал и не мог вымолвить ни слова. Прошло минут двадцать, и она дала мне трубку - «Говорите». И я услышал родной голос отца.

Мы перебивали друг друга, не понимали один другого, но главное - в моих руках был адрес, а они узнали, что я жив. Во время нашего разговора в комнате было много людей, но царила полная тишина, люди были свидетелями необыкновенного события. После окончания телефонного разговора все зааплодировали. Я заплакал от избытка переполнявших меня счастливых чувств. Так наладилась моя переписка с родными, и я выслал матери свой денежный аттестат.

Г.К.- Куда Вас направили после курсов усовершенствования?

В.Б. - После курсов, уже аттестованный командиром батареи, я получил направление на Урал, где формировалась 162-ая Среднеазиатская стрелковая дивизия 70-ой Армии.

Г.К.- 70-ая Армия полностью формировалась из пограничников?

В.Б. - Верно. Мы даже получили командирские удостоверения не Наркомата Оборона, а Наркомата Внутренних Дел.

К нам в дивизию на формирование поступали отличные солдаты, пограничники кадровой выучки, добровольцы с застав Памира, Оша, Хорога.

Ходили разные слухи о причинах формирования 70-ой Армии.

Поговаривали, что всего формируется пять армий из состава войск НКВД, и в случае, если немцев не остановят под Сталинградом, то мы будем обязаны преградить им дальнейший путь на восток.

Но это только слухи, а какие надежды возлагало Верховное Командование на самом деле на такие армии - так и осталось для нас «тайной за семью печатями». Но свои удостоверения личности мы не имели права показывать никому, кроме коменданта.

Г.К. - У пограничников не было своих артиллерийских частей.

Как быстро пограничники освоили артиллерийское дело?

В.Б.- Солдаты, прибывшие с застав, были прекрасными ребятами, но в артиллерии разбирались на ноль с минусом. Всех пришлось учить с самых основ.

В дополнение ко всему, наш полк должен был формироваться на конную тягу (пограничников учить обращению с лошадьми - не надо).

Да и я сам, за время короткого «общения» с лошадьми, успел натереть мозоли на «определенных местах». Формировка проходила рядом с городом Златоустом.

Строили конюшни, на себе перетаскивали амуницию, пушки, снаряды от станции к месту расположения. Расстояние не такое большое - всего 1,5 километра, но 700 метров вверх и 700 метров вниз, а если вокруг - тогда уже 12 километров.

Когда уже все построили, пришел приказ - отправиться в район контрольных стрельб. И мы, зимой, в глубоком снегу, по обледеневшим склонам, потащили на себе - пушки, снаряды и прочее наше имущество, на расстояние 25 километров. После такого перехода и передовая покажется раем.

А стрельбы проходили в чистом поле под сопровождение вьюги.

Ночевали в снежных «иглу». И вдруг последовал приказ - погрузиться в эшелон, и нам дали распоряжение - все «конское» оставить на станции.

Сказали, что на фронте получим механическую тягу. И получили - по одному трактору на два орудия, и таскали их цугом. Мобильность - «на высшем уровне».

Г.К. - Как происходила отправка на фронт?

В.Б. - «Обычная погрузка» в срочном порядке. Мат, крики, неразбериха...

Но меня ждали потрясения другого рода. На станцию, во время погрузки прибыл новый командир полка. До него полком командовал подполковник, из кавалеристов, отличный человек, воевавший еще с басмачами.

Собрали всех офицеров, и мы начали представляться новому комполка.

Когда дошла моя очередь, я вытянулся и доложил - «Командир 3-ей батареи - старший лейтенант Бант». И тут повисло молчание. Лицо командира полка скривилось, он опознал во мне лицо «не очень симпатичной» ему национальности. Во время движения к фронту, он придирался ко мне по всяким мелочам и каким-то странным поводам, и всем стало понятно, в чем тут дело.

Я надел меховую жилетку - нарушил форму одежды - выговор.

Не так быстро отдал приветствие - выговор. И понеслось...

А когда мы выгружались, он отстранил меня от командования батареей и назначил офицером связи с дивизией, фактически - «мальчиком на побегушках».

Посылал меня куда-то с чепуховыми пакетами, читая которые, получатель только пожимал плечами, силясь понять - о чем тут вообще идет речь...

И тут из штаба пару раз мне «шепнули на ушко», как новый полковой командир высказывается «по национальному вопросу» и конкретно в мой адрес.

Я понимал, что на фронте он меня очень быстро и качественно угробит.

Наш подполковник - кавалерист, ставший в артполку замом по строевой, уходил на командование в 369-й стрелковый полк и позвал меня с собой - командовать полковой артиллерией. Но избавление наступило еще раньше.

Не было счастья, да несчастье помогло.

Г.К.- Что произошло?

В.Б. - Вся моя служба в роли «офицера связи» - это постоянные перемещения без транспорта, на попутках, ночевки в переполненных хатах.

Видимо во время очередной ночевки я подхватил жестокий сыпной тиф. Попал в медсанбат, где мне вдобавок диагностировали двухстороннюю пневмонию.

Лежал я в санбате полтора месяца. И уже вроде был двумя ногами на том свете, но видимо мама за меня хорошо молилась - я выжил.

После выписки из санбата передо мной стоял мучительный вопрос - «Что дальше?», ведь командир полка задался целью упрятать меня «поглубже» в землю, а я соответственно, желал ему того же. Из медсанбата меня направили в дивизионное «подразделение для выздоравливающих» - «отдохнуть и набраться сил». На фронте стояло затишье. И тут мне повезло.

Мы располагались в крестьянских избах. В моей избе было только двое больных - я и заместитель редактора дивизионной газеты. В этом же селе был расположен дивизионный тыл - редакция газеты, продовольственные склады, мастерские и прочее. Естественно, моего соседа часто навещали товарищи, и приносили ему всякие «презенты» - сало, колбасу, американские консервы и т.д. Хозяйка жарила для нас двоих большую сковороду картошки с салом - в общем, мы не голодали. Но вскоре меня отправили дальше, в запасной армейский полк.

А там - отдыхай, спи, хоть целые сутки - и скудный урезанный тыловой паек. Мне постоянно хотелось кушать. Кто не испытал голода после сыпного тифа, тот меня не поймет. Однажды посмотрел на себя в зеркало, а на меня смотрит какой-то незнакомец - черная щетина на желтой коже, скулы торчат, глаза запавшие...

Г.К. - Как Вы попали в ИПТАП (устребительно-противотанковый артиллерийский полк)?

В.Б. - Когда в запасной полк приезжали «покупатели», то их мой внешний вид совсем не вдохновлял, я выглядел просто «законченным доходягой».

Как-то появились двое «купцов» и начали вслух, не стесняясь моего присутствия, меня обсуждать - «Да ты посмотри на него, труп живой!». - «Конечно, а ты сам не хочешь трупом стать? Что он тебе скажет, когда мы без пополнения вернемся?». По этой причине, меня, без особой охоты, «купили».

Все знали, что ожидают тяжелые бои на Курском «выступе».

И если раньше я был командиром батареи, то они мне предложили огневой взвод, смягчив это предложение заявлением, что у них в полку большая текучесть кадров, и они уверены, что уже в ближайшее время обязательно появится свободная вакансия на должность командира батареи.

Я это понял, когда узнал куда меня «вербуют».

Оказывается, это был АИПТАП - Армейский ИПТАП, находившийся в непосредственном подчинении командования 70-ой Армии.

Я согласился, только задал один вопрос - «А как у вас кормят?».

23/6/1943 я прибыл в 378-й АИПТАП, который располагался в селе Михайловка, сейчас там город Железнодорожск, центр Курского железорудного бассейна.

Там даже артиллеристов предупреждали, что стрелки магнитных приборов могут давать неправильные показания, но для нас это не было важно, так как мы стреляли только прямой наводкой. А пятого июля началось немецкое наступление в районе станции Поньри, на стыке 13-ой и 70-ой Армий.

Немцы прорвали нашу оборону, и полк выдвинули вперед, заткнуть брешь на участке Бобрец-Гнилец-Молотычи.

Г.К. - Свой первый бой на Курской дуге сможете описать?

В.Б.- Это сделать будет не просто. Слишком страшный бой был...

Стрельба велась прямой наводкой по танкам, наступающим с разных сторон.

Я подавал команды, по какой цели удобней бить, но лучше было не мешать наводчикам, они у нас были опытными и сами знали, где у немецких танков броня тоньше. И решения в этом бою, сообразуясь с обстановкой, принимал тот, кто смотрел на цель в панораму и наводил на нее ствол.

Наводчик сам видит как трасса попадает в танк, а также видит, что снаряд срикошетил. Не было никакой телефонной или радиосвязи с огневыми взводами, все вокруг заглушал непрерывный невообразимый грохот.

Голосовые команды вряд ли кто мог услышать. Все оглохшие, контуженные. Роль командира сузилась до окуляра бинокля и панорамы орудия.

Нас непрерывно бомбили, расстреливали из орудий, давили танками.

Мы продолжали вести бой, не зная ничего о том, что творится на флангах или за нашей спиной. Да и вряд ли мы тогда могли об этом думать.

Просто сражались до последнего человека и снаряда.

Собирали снаряды с разбитых орудий, и воевали дальше.

На огневых позициях лежали во множестве убитые батарейцы, но я не помню, что думал тот день о смерти. Не до этого было...

Только к ночи стрельба затихала, но не прекращалась полностью.

Перед глазами полыхали костры из наших и немецких танков.

Помню, что с пригорка под Молотычи, ночью открывался широкий обзор почти всего поля боя. Не ручаюсь за точность, но тогда я насчитал 500 таких «костров»...

И предсказание моих «вербовщиков» сбылось, уже к вечеру первого дня немецкого наступления я заменил тяжело раненного командира батареи.

Немецкие танки шли на нас со всех сторон. Когда убило наводчика, я встал на его место и подбил лично два танка точно, и еще два - тоже возможно мои.

В таком крошечном аду, очень трудно определенно сказать - ты, или твой сосед подбил тот или другой танк. Нашей батарее засчитали 16 уничтоженных немецких танков. Ночью, с восьмого на девятое июля, остатки ИПТАПа отвели в тыл.

Из 68 артиллеристов, на батарее в строю осталось всего 15 человек...

На батарее не осталось ни одного целого орудия.

Примерно такое же положение было и на соседних батареях, но, несмотря на это, наш полк не отступил без приказа, сохранил свое знамя и номер -378-ой.

Остатки полка отвели на переформировку.

Мы расположились в селе 1-ая Маква. В фруктовом саду вырыли землянки, при этом ругали себя за то, что портим фруктовый сад.

Здесь наш полк простоял в резерве несколько месяцев.

Г.К.- Чем было отмечено мужество и героизм артиллеристов полка в Курском сражении?

В.Б. - Двоих представили к званию Героя, но вроде что-то там не сложилось.

Например, командиру шестой батареи Рафаилу Михайловичу Рязанцеву вместо звезды Героя дали только орден Боевого Красного Знамени...

Г.К. - Чем лично Вас наградили?

В.Б. - Поначалу - ничем. Я в полку был человек совсем новый и особо не рассчитывал на какую-то награду. А позже, когда мы стояли на переформировке, к нам приехал с проверкой какой-то генерал. Он обходил строй полка, и каждый из комбатов лично представлялся проверяющему начальнику.

Генерал меня спросил - «Комбат, ты под Курском тоже был?». - «Так точно». - «Что - нибудь подбил?». Ответил, что за два уничтоженных мной лично немецких танка могу ручаться. - «Награжден?». - «Нет».

И тут генерал обратился к нашему командиру полка Цыцавину - «Почему командир батареи ничем не отмечен?». Цыцавин начал что-то мямлить и мычать в ответ, мол «дык, елы-палы». Генерал приказал представить меня к ордену Отечественной Войны, который я вскоре получил.

Г.К. - Расскажите о структуре Вашего АИПТАПа, об особенностях вооружения полка?

В.Б. - Полк всегда находился «под рукой» командующего артиллерией 70-ой Армии генерала Дмитриева и вводился в бой только по его личному распоряжению. Полк состоял из шести батарей, дивизионов в полку не было.

В полку служило примерно пятьсот человек. В каждой батарее было четыре 76-мм орудия ЗИС-3. Прекрасные пушки, которые могли производить до 20-25 выстрелов в минуту. В расчетах по семь человек, еще взвод управления, водители и так далее. Орудия перевозили на «виллисах». На каждом «виллисе», помимо расчета, размещали как минимум четыре ящика со снарядами.

Личное вооружение артиллеристов - винтовки и карабины, у разведчиков из взвода управления - автоматы. У нас не было ПТР, но на батарее было несколько ящиков гранат РГД и несколько пулеметов «максим», которые нам достались «контрабандным путем». И эти пулеметы весной 1944 года нас один раз здорово выручили. На Западной Украине полк после тяжелого боя вывели на отдых. Снарядов почти не оставалось. И тут на нас внезапно напал с тыла крупный отряд «бандеровцев». И из этих пулеметов мы это нападение успешно отбили, покروшили там до черта этих «гостей из леса».

На поле боя было любо - дорого потом посмотреть.

Г.К. - В Вашем полку было принято делать «снарядный» НЗ?

В.Б.- Да, на каждое орудие делали НЗ - двадцать снарядов, но, обычно, кроме нашего окружения в Белоруссии, снарядов до конца боя нам хватало.

Расход снарядов при стрельбе с прямой наводки всегда меньше чем при стрельбе с закрытых огневых позиций.

У нас даже как-то образовался избыток шрапнельных снарядов, и мы не знали, куда их девать. Мы стояли на шоссе, кажется, Ковель - Брест.

Так нам приказали вырыть специальные окопы, с «платформами» для стрельбы по самолетам, и несколько раз отражали немецкие авианалеты шрапнельным огнем.

Г.К. - Ваш АИПТАП использовался для стрельбы с закрытых позиций?

В.Б.- Крайне редко. В Польше, под городом Радзимин такое случилось.

А так стреляли только с прямой наводки. Что увидел - то твое...

Артиллеристы, служившие на тяжелых гаубицах или в артиллерии БМ, нас за «своих коллег» не считали, мол мы не умеем стрелять с закрытых огневых и даже толком не можем приготовить данные для стрельбы.

Г.К. - Как батарея готовилась к бою на танкоопасном направлении?

В.Б.- Занимали позиции, готовили огневые, рыли землю до десятого пота.

Орудия ставили «уступом», чтобы немецкий танк даже ворвавшись на огневую позицию какого-то орудия, всегда подставлял свой борт под огонь другого орудия. Особой надобности подменять собой командира огневого взвода и пристально следить за действиями каждого отдельного расчета не было.

Командиры расчетов были всегда из опытных, думающих артиллеристов, умевших спокойно ориентироваться в любой опасной ситуации и точно выбрать наиболее важную цель в минуту схватки, в зависимости от того, как разворачивается бой. Это были люди со стальными нервами.

Но у нас, в отличие от артиллерии другого калибра, были свои особенности для целеуказания в момент ведения боя. Телефонную проводную связь с расчетами очень часто перебивало, а голосовые команды в грохоте боя не всегда было слышно. Так для каждого орудия, для подачи сигналов использовались ракеты только своего определенного цвета. Позиции каждой батареи по связи обозначались кодовыми сигналами. У

нас почему-то это всегда были названия хищников - например позиции моей третьей батареи назывались - «Тигр».

Г.К. - Как снабжали «иптаповцев»?

В.Б. - В 70-ой Армии был полуторный оклад для всех военнослужащих, поскольку у частей НКВД видимо были свои определенные «финансовые привилегии» в вопросе денежного довольствия.

В ИПТАПе мы получали двойной оклад, и у нас шла ускоренная выслуга лет - полтора года за год службы. Но продовольственное и вещевое снабжение у нас были обычными, все как и в других боевых частях РККА.

Не было у нас и повышенных норм питания. Кстати, насчет «покушать», у нас всегда была проблема. Своей кухни на батарее не было, на передовой питались в основном только тем, что сами себе добывали и готовили, а также сухарями, или едой, которую нерегулярно привозили в термосах с полковой кухни.

Г.К.- Как щедро награждали служивших в ИПТАПах?

В.Б. - И дался вам этот «наградной вопрос»...

От простых солдат и офицеров ничего не зависело.

Судьбу наградных листов решали в штабах, и очень часто боевые заслуги не имели никакого значения в принятии решения.

Хотя бы на своих примерах я вам попробую объяснить.

Первый орден я получил по указанию проверяющего генерала, а не по представлению комполка Цыцавина.

И свой орден Боевого Красного Знамени я получил по реляции начарта армии генерала Дмитриева, который лично прибыл под Брестом на поле боя и увидел, что мы там немцам устроили. А не пояись там Дмитриев, я и не знаю, получил бы я какую-то награду вообще за тот бой или нет.

После Цыцавина нашим полком командовал подполковник Мальков, человек хороший, душевный, порядочный и не жестокий.

У меня с ним были нормальные человеческие отношения.

Но тот же Мальков ничего не мог поделать, когда наш полковой парторг по фамилии Шапиро дважды «запорол» мои наградные листы. Да и с полковым «особистом» я был «на ножах», он все ждал возможности меня «упаковать».

Г.К. - За что Вас так парторг невзлюбил?

В.Б. - Парторг полка не был трусом в бою, но большего всего на свете боялся, что ему кто-то скажет, что он, еврей, либерально относится к своим соплеменникам или им как-то помогает на войне.

И майор Шапиро, желая быть святее Папы Римского, предпочитал евреев полка «давить» при каждой возможности, что показать всем свою «беспристрастность и партийную принципиальность по национальному вопросу».

Мальков с ним связываться не хотел и только молча наблюдал как парторг в очередной раз «херит» наградные листы то на меня, то на моего командира отделения тяги Мишку Штермана, и так далее.

Мою батарею парторг вообще «с трудом переваривал», у меня на батарее, было кроме меня, еще четыре еврея, и это комиссара почему-то сильно задевало.

Г.К. - И такое бывало?

В.Б. - Всякое случалось. И так хватало по жизни юдофобов, так тут еще «свой кадр» к ним «в помощнички подрядился».

У меня здесь рядом сосед живет, бывший танкист-лейтенант, кавалер ордена Ленина Ефим Пергаменщик, он с двадцать второго года рождения.

Воевал в 3-ей ТА. За время войны его трижды представляли к званию Героя Советского Союза, но в итоге так и не дали.

Ему из центрального наградного архива как-то прислали ответ на запрос по поводу представлений к званию ГСС, с «объяснениями», почему Пергаменщик звезду Героя так и не получил. И если бы вы только увидели, что за «резюльция» процитирована в этом ответе, вы бы сильно удивились и долго бы матерились...

Г. К. - Конфликты на национальной почве конкретно в Вашем полку были?

В. Б. - Таких эпизодов не помню.

Полк был почти чисто славянский, «разбавленный» евреями.

Нацменов в полку было очень мало. У меня какое-то время был командир орудия казах. К евреям в полку было хорошее отношение, никаких серьезных «антисемитских эпизодов» я не помню.

Евреев было в полку много. Хорошо помню взводного КВУ Юду Зельдиса, командира огневого взвода Сашу Лахманлоса, наводчика Бориса Розенсона, бойца расчета Якова Гамбрайха, санинструктора Ефима Колодовского, ну и конечно Мишу Штермана. Нет, не было у нас, конкретно в нашем полку, стычек между бойцами «по нацвопросу».

А вот сразу после войны в стране начался такой дикий разнузданный антисемитский шабаш на каждом шагу, что покойный Геббельс был бы доволен.

«Пролетарский интернационализм» в советской стране приказал долго жить...

Г.К. - А что за конфликт с «особистом»?

В.Б. - Решил меня как-то наш полковой «особист», старший лейтенант Щукин, молодая и наглая сволочь, в свои «стукачи» завербовать.

Я ему в ответ сказал - «Пошел ты Щукин на...!».

Он начал мне угрожать, мол сильно рискуешь и ты еще об этом пожалеешь.

Я еще раз ему объяснил, что я думаю о его маме и прочей родне.

Но «особист» со мной так и не успел «поквитаться», немцы его опередили.

У нас в полку на «особиста» многие смотрели поплеывая.

Нам и так было нечего терять.

Г.К. - Какими были отношения между «огневиками» и солдатами и офицерами, служившими в штабе полка?

В.Б. - Отношение к штабным было сносным. Никакой «черной» зависти, ненависти или пренебрежения к ним «огневики» не испытывали.

Каждый на войне делал свое дело. Тем более наш полк был не очень большим, да и количество людей служивших в штабе не было чрезмерным.

Штабные тоже понимали, какая судьба вскоре ждет всех «огневиков» и никто из командования ИПТАПа в полку бездумно «гайки не закручивал» и «драконовскую дисциплину» любыми методами не устанавливал.

Штабные нам не мешали в бою, и это нами ценилось.

Но и никто из штабных офицеров во время боя к нам на подмогу, или на подмену - не приходил. И это мы тоже хорошо «помнили»...

Вообще, отношения между людьми в нашем полку отличались особой душевностью и простотой. И скажу одно - если бы мне снова пришлось выбирать свой фронтный путь - то я бы сразу пошел воевать в ИПТАП.

Там в основном были собраны очень хорошие люди, честные, искренние, смелые.

Г.К. - Насколько Вы лично согласны с утверждением, что все воюющие в ИПТАПах - смертники?

В.Б. - Хотите, отвечу честно. Хоть нам действительно в буквальном смысле приходилось часто смотреть смерти в лицо, но ...

Мы не считали себя смертниками.

Это был больше - скажем так - ореол, нимб над нашей головой.

Да, среди артиллеристов самые тяжелые потери на фронте несли ИПТАПы и «сорокапяточки». Но разве можно сравнить наши потери, например, с ежемесячными потерями стрелковых рот в 1942-1943 годах ...

В 1943 году заняли оборону возле села Золотое Дно. Уже снег сошел с полей, а перед нами сплошной чертой идет широкая «белая линия».

И тут мы выяснили, что это было. Это был противотанковый ров, заполненный доверху трупами солдат из лыжных батальонов, наступавших на этом участке в начале весны. Во время наступления никто трупы не хоронил, просто стаскивали тела в этот ров. Да так их там во рву ... и оставили лежать ...

Страшное было зрелище...

Ведь ИПТАПы берегли до нужного момента, и не бросали в бой каждого «пятого и двадцатого числа». И бои с немецкими танками не были для нас «ежедневной наскучившей рутинной». Допустим после тяжелых боев с танками противника под Мозырем, следующая по настоящему серьезная смертельная схватка с немецкими танками была у нас уже в пригородах Варшавы.

Да и ИПТАПы бывали разными.

И отдельные ИПТАПы РГК, и истребительно-противотанковые полки в артиллерийских дивизиях прорыва, и отдельные дивизионы ОАИПД, и полки армейского подчинения, как например наш 378-й АИПТАП.

И это разделение во многом заранее обуславливало - и задачи подразделения, и интенсивность ведения полком боевых действий, и срок жизни артиллериста попавшего служить в «истребители танков».

Многие думают по одному «газетному» стереотипу, мол раз ИПТАП, то каждое утро, после завтрака, на нас должны были идти, лязгая гусеницами и изрыгая из танковых пушек смерть, десятки немецких танков, а мы их, героически погибая у орудий, пачками поджигаем... Где бы немцы на каждый день подобного ведения боевых действий танков столько набрали ...

Еще раз повторяю, ИПТАПы использовали в основном по прямому назначению - в нужный момент, по мере надобности, выдвигали на танкоопасные направления.

Г.К. - Кого больше солдаты жалели в разговорах на фронте - «иптаповцев» или пехоту?

В.Б. - Мне трудно ответить на ваш вопрос - «кого больше жалели».

Я лично считаю, что в пехоте все равно было опаснее и страшнее.

Но пехотинцы часто боялись находиться рядом с нашими батареями, заранее понимая, что здесь скоро начнется...

А сколько раз бывало, выскакиваешь на «передок» на «виллисах» для занятия огневых позиций, а пехотинцы вслед орут - «Куда прете!? Впереди - немцы!»...

Да, служба в ИПТАПах была смертельно опасной и «сохранению здоровья не способствовала», но я не помню, чтобы кто-то из солдат, прибывших к нам на пополнение, сразу бежал в ближайший лес - «строгать себе доски на гроб», или торопился заказывать по себе панихиду.

Люди быстро привыкают на войне к любой опасности и условиям.

Сама нашивка «иптаповцев» на рукаве гимнастерки сразу вызывала у многих уважение к нам. После госпиталя, когда меня комиссовали по инвалидности из армии, я решил поехать к брату. Мой младший брат Рудольф, 1926 г.р., служил механиком на кораблях Каспийской флотилии. Ехал через Кавказ.

На вокзале в Тбилиси меня задержал патруль и привел к военному коменданту. Старший патруля, какой - то нацмен с замашками «вышколенной тыловой шкуры», показал рукой на мою нашивку ПТА на рукаве, и спросил у коменданта - «Что это ? Не по форме. Что делать с ним будем?». Комендант ему ответил - «Что делать будем ? В ноги будем кланяться этому человеку!».

Г.К.- Как Ваш полк попал в окружение ?

В.Б. - Я не помню точного названия этого места. На Припяти.

Город Ратно, село Малорита. Где-то в этом районе. Мы перешли через мост, но немцы захлопнули капкан окружения и взорвали все мосты позади нас.

Мы расстреляли весь боезапас, и по радиации нам передали приказ - «Взорвать орудия и самостоятельно выходить из окружения». Мы выполнили приказ, и это был единственный случай на моей памяти, когда артиллеристами нашего ИПТАПа были брошены или уничтожены свои орудия. Мы ушли в леса.

Через десять дней большая часть полка вышла из окружения.

Г.К. - Какой бой, проведенный Вашей батареей, Вы считаете самым удачным?

В.Б. - Летом 1944 года, под Брестом. Отдельная немецкая часть вырвалась из окружения в районе брестского пригорода Тересполь.

Я получил приказ поставить батарею в засаду на одной из дорог, чтобы перекрыть немцам пути возможного отхода. Снарядов на батарее было мало, но их пообещали быстро доставить следом. Правда, у нас было «в заначке» несколько ящиков шрапнели, которую мы считали лишним грузом.

На скорости помчались к месту возможного продвижения немцев.

В дороге, второй взвод, следующий за нами, отстал, свернул на другую дорогу, и в итоге у меня оказалось под рукой только два орудия.

Проехали немного вперед и перед небольшим подъемом остановились, чтобы осмотреться, может, увидим наш второй взвод. И тут мы услышали шум моторов. Я вышел на пригорок и сразу упал, чтобы меня не заметили, потому что увидел колонну немцев, которая шла вверх по склону.

До головы этой колонны был примерно километр.

Первой шла артиллерийская батарея на конной тяге, за ней длинная вереница орудий, различных автомашин, и уже в конце колонны шли несколько танков.

По всему было видно, что немцы спешат вырваться из окружения.

Не было хваленного немецкого «орднунга». Колонна двигалась без какой-либо разведки или передового дозора. Вся эта «кавалькада» шла по узенькой дороге на откосе холма, так что справа у них был довольно крутой откос, а слева болото, которых на берегах Буга было - не счесть.

Это было классическое «дефиле», ни вправо, ни влево, немцы свернуть не могли. Кроме того, шедшая впереди немецкая гаубичная батарея не могла развернуться, чтобы в случае чего открыть ответный огонь, и танки тоже не могли стрелять по нам, так как на линии их огня двигались еще две немецкие артиллерийские батареи и колонна автомашин. Немцы сами загнали себя в «ловушку».

Моя батарея уже перешла на машины «додж 3/4», была «легкой на подъем» и на капотах машин были установлены наши «контрабандные пулеметы».

Рядом с нами оказалось человек сорок пехотинцев, и я на бегу проорал пехотному ротному, лейтенанту - «Стреляй по немцам! Пулеметы на машинах!».

На организацию «классической» засады времени не было, в моем распоряжении оставалось всего минут пять, не больше. Сразу же под горкой отцепили орудия, развели станины, зарядили орудия надоевшей нам шрапнелью, «на картечь».

Одно орудие послал чуть вправо, чтобы оно стреляло с фланга, а сам с другим орудием - вверх, в упор. Стал к панораме. И как только увидел в прицеле, в ста метрах от своего орудия колонну немцев, нажал на спуск.

Хоть и ругали мы этот «беспользый груз шрапнели», но то, что сделала сейчас картечь, выпущенная в упор, навсегда реабилитировало ее в глазах солдат.

Тысячи металлических шариков буквально смели первые ряды немецкой колонны. Сделал еще несколько выстрелов картечью, а потом подскочил командир орудия Коваль, оттолкнул меня - «Это мое дело, комбат», и мы продолжили стрелять прямой наводкой осколочными гранатами и шрапнелью, и бронебойными по танкам. Коваль крикнул мне - «Старший лейтенант! Снаряды заканчиваются! Что делать?».- «Стреляй экономно! - каждый снаряд в цель! За нами начбоепит Бунимович грузил снаряды на машину, скоро они должны быть здесь!». Пехотинцы продолжали поливать немецкую колонну пулеметным огнем, прижимая врага к земле и не давая немцам приблизиться к нашим орудиям.

У немцев даже не было времени привести гаубицы в боевое положение.

Танки, заблокированные в хвосте колонны, молчали, на линии огня у них находились собственные орудия и автомашины. А потом - один танк загорелся, другой. Немцы отвечали нам только огнем из стрелкового оружия.

В общем, у немцев ад, а мы смеемся и плачем от радости. Каждый снаряд в цель! Разве так бывает наяву, а не во сне!? Внезапно возле нашего орудия разорвался снаряд. Потом еще один. Наш разведчик засек выстрел из пушки в лесу.

Сейчас же наше второе орудие, которое стояло правее на фланге, открыло беглый огонь, и на этом стрельба прекратилась.

Время летело, но я даже не посмотрел на часы во время боя.

Но по ощущениям, весь этот бой продолжался около получаса.

Лейтенант - пехотинец подошел ко мне, как к старшему по званию.

Более высокого начальства пока не было видно.

Лейтенант говорит - «Разрешите, пойду со своими, трофеи собирать». - «Раньше пленных собери, пока не разбежались!».

А тут и наш второй взвод прибыл. Мой взводный, Витька Постолев, только посмотрел на поле боя и сказал - «Повезло тебе! И дернул меня черт прямо поехать. Я как только услышал выстрелы сзади, сразу же понял, что это ты нарвался. Повернул на помощь, а у тебя уже все в порядке. Жаль!».

Говорю ему - «А чего жаль? Разве мы не вместе здесь были?». - «Это ты брось, мои орудия ни одного выстрела не сделали». - «Так кто тебе мешает, стреляй! Мы одна батарея, вместе горе делили, вместе и славу будем делить. Снаряды то не меченные, а доклад о бое я сам писать буду». - «Я всегда знал, что евреи - это люди». - «Да, причем тут евреи, мы с тобой разве не друзья?». - «Навсегда! Я это никогда не забуду!».

По радиации сообщил в полк о произошедшем бое, и стал ждать, когда наши начальники приедут «трофеи» собирать. Ведь ясное дело, кроме того, что немцев побили и колонну не выпустили, «богатую добычу» захватили.

Пехотинцы под конвоем привели пленных. Впереди шел лейтенант, ротный.

Спросил у них - «Сколько взяли?»

Лейтенант-пехотинец ответил - «Сейчас доложу, что насчитал. Может, туда-сюда, немного ошибся». - «Потом без нас посчитают, все равно больше будет». - «А ты комбат в курсе дела». - «Что, в первый раз, что ли».

И лейтенант доложил - « Так, пленных пока 46 человек, но мои бойцы еще разбежавшихся по лесу ищут. А эти не бежали - «важные птицы».

Генерал - один, полковников - четыре, всего офицеров -12 человек.

А на вот этих двух тоже стоит хорошо посмотреть, у них снайперские значки.

И у других нашивок и орденов много. Все крестами обвешаны.

Я вот у этого хотел снайперский знак с мундира снять, так он, сволочь, укусить меня пытался. Раненых много, человек пятьдесят, там наш санинструктор и «ихние» медики с ними возятся.

Немцев убитых много, пока не считали. А из техники - 8 танков, две батареи тяжелых орудий и одна зенитная, малокалиберная. Четыре легковых машины и штук тридцать грузовых. В одной видел «фронтные подарки». Вот возьмите - сигареты, тушенка. Там этого добра навалом, на целый полк хватит».

Моментально численный состав расчетов резко уменьшился - все пошли на «охоту за трофеями», да и «погода» этому способствовала. Сам я за «трофеями» не пошел, но солдаты обо мне не забыли, тоже получил - «кое-что».

Как раз мимо меня провели одного «солидного» немца, весь в орденах.

Он посмотрел на меня, «узнал» и процедил - «Юде...».

Я принял это за похвалу. Вот рассказал вам об этом бое и думаю, вот вы сейчас скажете, что-то слишком гладко все получается, и бой скоротечный, и потерь у нас не было, и трофеи взяли, дай Бог каждому.

Мол, не приукрашиваю ли я обстоятельства боя.

Нет. Все так и было. Уж если еврею за это орден Боевого Красного Знамени дали и при этом не удавились, и рука в штабе армии ни у кого не дрогнула наградной лист подписать. Но это не главное. На поле боя приехал сам командующий артиллерией армии генерал Дмитриев, и первым вопросом который он задал, был следующий -«Какие наши потери?».- «Товарищ генерал, потерь нет!». - «Ни убитых, ни раненых?». - «Так точно». - «И орудия все целы?». - «Целы». - «Такого не может быть!». - « Товарищ генерал, мы решили, что пришло время - пусть только немцы свои потери считают». - «А вы их потери посчитали?». - « Слегка. Трофейной команде тоже работу оставили». - «Себя по «вопросу трофеев» не забыли?». - «Никак нет, товарищ генерал». - «Молодцы, и мы вас не забудем!».

Г. К. - И не забыли?

В.Б. - Мои командиры орудий получили ордена Славы, Витя Постоев получил орден Отечественной Войны 1-ой степени, и так далее.

Всем перепало «с барского плеча». Командир полка подполковник Мальков получил орден Боевого Красного Знамени, парторг Шапиро отхватил себе орден Красной Звезды, начштаба полка «поимел» с этого боя орден Отечественной войны второй степени, ну, на то он и начальник.

К наградному списку за этой бой «пристегнули» и «прицепили» еще немало другого и разного народа, которых там - «и рядом не стояло».

Меня это все мало интересовало, но подробности этого награждения нам с обидой рассказал писарь штаба полка Федько, которому за этот бой перепала всего лишь медаль «За боевые заслуги», а он, видимо, ждал навару пожирней и посолидней. А навар в таких делах - вещь неизбежная.

Г.К.- Куда был переброшен Ваш АИПТАП после Брестской операции?

В.Б. - Сначала нас перебросили в Прагу, пригород Варшавы, батарея стояла напротив моста Понятовского. После нас кинули на Сандомирский плацдарм.

9/09/1944, в день моего рождения, я находился на плацдарме, на НП батарее.

«Блиндаж в три наката». Положили над вырытой ямой три ряда сосновых веток, вот и получилось - «три наката»... Прямое попадание снаряда...

Меня тяжело контузило, я потерял сознание и очнулся уже в госпитале.

Рядом со мной лежал мой товарищ - артиллерист, сын польского графа Голомбиевского. Его отец добровольно перешел в 1918 году на службу в Красную Армию, стал комбригом, а впоследствии и генералом.

Г.К. - Что было с Вами после госпиталя?

В.Б. - Контузия оказалась очень тяжелой. Почти каждый день были сильные приступы эпилепсии. Меня «накачивали» люминалом, но это не помогало.

В госпитале меня признали инвалидом, негодным к несению воинской службы, и комиссовали из армии по статье 9-А. Вернулся в Одессу, но из-за эпилепсии мне еще неоднократно приходилось подолгу валяться на больничных койках.

В 1945 году я поступил на учебу в Одесский медицинский институт, скрыв от приемной комиссии свою контузию, и ее последствия.

И когда все открылось, меня даже хотели исключить из института, но все же дали возможность учиться дальше.

В нашей «5-ой мотокостыльной» группе 1-го курса были собраны фронтовики-инвалиды, но и другие группы студентов нашего курса оспаривали у нас звание «мотокостыльной», и там хватало инвалидов, покалеченных на фронте...

Г.К. - С товарищами из своего ИПТАПа довелось после войны встретиться?

В.Б. - Я не прерывал связи со своими командирами огневых взводов Виктором Петровичем Постоевым и Андреем Яковлевичем Чернобаевым.

Мы с женой Аней неоднократно гостили у семьи Постоевых во Владимирской области, а они часто приезжали к нам в Одессу.

Андрей Чернобаев, после войны стал авиаконструктором, работал в КБ Яковлева, и жил в Москве. Он много бывал у меня в гостях. Чернобаев уже ушел из жизни.

Прошло несколько десятков лет после войны, и я пригласил своих однополчан к себе на юбилей. Не все смогли приехать.

В Одессе собрались на мой день рождения Витя Постоев и киевлянин Миша Юрченко с моей батареи, Владимир Андреев, Вася Мирошниченко и Федя Яремчук из взвода управления полка, Рафаил Рязанцев и Иван Данилов из 5-ой батареи, Николай Крыжановский из 6-ой батареи и Юрий Бунимович, наш начбоепит. Вот, храню как память, нашу общую фотографию с этой встречи.

Все они были смелыми, мужественными и достойными воинами, ни разу не дрогнувшими перед лицом смерти и честно выполнившими свой воинский долг.